

Дьявол,

Дьявол,

Дьявол.

Земля отдала

ее нам обратно.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА 1

НИЧЕГО СВЯТОГО

ЭБЕЛЬ

Щеку Эбель обжег удар. В ушах зазвенело, словно голову засунули в церковный колокол, что звонил по утрам и вечерам, созывая прихожан на очередную службу. Сейчас голова болела точно так же, как и в тот день, когда мать притащила Эбель к священнику: он отмаливал ее и изгонял злого духа, обливая холодной водой. По мнению жителей города Санди, сам дьявол сидел в скурах. Овладевал их телом и разумом. Истяжал и подчинял себе. Но скуры знали: дьяволом были одержимы не они, а люди, которые возненавидели исключительных настолько, что, не боясь закона, избивали их на улицах и сбрасывали в реку неподалеку от города.

Сейчас Эбель готова была поверить жителям Санди, ведь восстать из мертвых ей помог кто-то с того света.

Вот только тот свет явно не торопился отпускать ее хрупкое скурское тело...

— А ну, не засыпай, девчонка, — смотритель кладбища опять ударил ее по щеке. — Я тебя на своем горбу не поташу. Еще и нагую... Обвинят в чем! И вовек не отмоюсь.

— П-п-пап, возьми мою од-д-дежду!

Пухлый и очень неуклюжий парень по имени Бенни скинул с себя пальто. На вид ему было лет тридцать, хоть и говорил он как пятилетний ребенок. Он внушал ей доверия больше, чем испачканный в земле смотритель.

— Иди в дом, Бенни, — скомандовал его отец.

— Н-н-но...

— В дом.

— А к-к-как же...

— Я сказал, в дом, Бенджамин! — Он развернулся к сыну, и свет от фонаря отбросил на его лицо грубые тени. — Закройся в своей комнате и зашторь все окна. Потуши свет и не включай его, пока я не приду. И... — смотритель быстро окинул взглядом кладбище, — не открывай никому дверь.

— С-с-слушаюсь, сэр, — ответил Бенни и, увязая в рыхлой земле, поторопился в темноту.

Эбель попыталась поднять голову, проследить за удаляющейся фигурой, но сил не хватило, и она откинулась на спину, ударившись затылком о дно гроба.

— А ты, девочка, — хрипло отозвался смотритель, — теперь не моя забота. Отведу тебя к мисс Вуд. Пусть сама с этим всем разбирается.

Старик схватил Эбель за руки, потянул на себя и вытащил из гроба, усадив прямо на землю. Но окаменевшее от холода тело Эбель не слушалось, и смотрителю

пришлось придерживать ее за спину, пока он разматывал проволоку на запястьях.

— Не моя это забота, не моя, — устало повторял смотритель. — Только все наладилось, как опять... Ой, беда...

Смотритель скрутил дергающую колокольчик проволоку — громкий звон напугал Эбель. Уже привыкшие к шуму вороны теперь лишь с интересом наблюдали за ожившим трупом и, спускаясь с веток на землю, нагло выискивали наживу, которой наконец-то могли полакомиться.

— Раньше меня волновали только бродячие псы, приходящие сюда, чтобы обоссать мои гортензии, — ворчал смотритель, не унимаясь. — Теперь я должен еще и мертвяков раскапывать... Я чуть дух не испустил от твоего адского звона, и что ты думаешь? Мне за это даже не заплатят!

Он пытался скрыть страх, но дрожащий голос выдавал его.

Смотритель схватил Эбель за шею и потянул на себя, но та испуганно извернулась.

— Да не бойся ты, не обижу тебя. Я, как видишь, добрым делом занимаюсь. — Старик выдавил нервную улыбку.

Опять он лгал: плохо скрытую неприязнь к скурам Эбель научилась различать еще в школе.

— Только ты, это... — смотритель ткнул пальцами в пальто сына, — ну, это... — он ждал, когда она поймет намек, — прикройся, черт возьми!

Эбель хотела бы спрятать свое тело подальше от его глаз, но у нее не было сил даже на то, чтобы вдохнуть полной грудью. Легкие до сих пор горели, а тошнота, накатывающая волнами, проедала то горло, то желудок. Смотритель тяжело выдохнул и с недовольством сам

надел на Эбель пальто. Не забывая цокать и вздыхать каждый раз, когда она откидывала назад голову, на секунды теряя сознание.

— Я тебя выкопал, вытащил из лап Сатаны, вот и поспособствуй старику. Встань уже.

— Ага... — все, что смогла ответить ему Эбель.

Может, байка про гроб из орешника оказалась правдой? Может, все-таки это дерево изгоняет злых духов? Высасывает их вместе с собственной силой из тела.

— Да черт с тобой! — гаркнул смотритель и, схватив Эбель за костлявые плечи, поднял на руки. — Нет у меня времени с тобой нянькаться! В академию придем — и падай там в обмороки, сколько хочешь.

Подхватив медленно угасающий керосиновый фонарь, старик вместе с Эбель на руках двинулся вдоль каменных надгробий. От него пахло ладаном. Мерзкий, отвратительный запах, которым пропитан воздух всего Санди. Ладаном пахли священники, полицейские, почтальоны и случайные прохожие на улице. Им пахла мама. И небольшая квартирка, в которой Эбель жила девятнадцать лет. Тошнотворный запах веры и страха. Ладаном Бог помечал слабых, так защищал их от скур. Но кто тогда защищал исключительных?

— Дьявол... — вырвалось у Эбель, и смотритель дернулся, услышав ее голос.

— Уже успела соскучиться по нему? — нервно пошутил старик и, резко развернувшись, осмотрелся по сторонам. — Тут только мы с тобой, да...

— Дьявол... — повторила Эбель шепотом, увидев обугленные, тянущиеся к ней — прямо из темноты — руки.

— Дьявол! — вторя Эбель, выругался старик. И это было последнее, что она услышала перед тем, как потеряла сознание.

Призраки давно перестали пугать Эбель.

Все это началось четыре года назад. После смерти отца Эбель стала мучить бессонница, а вместе с ней и голоса, доносящиеся из темных углов комнаты. Из щелей между досками, из-под кровати, из шкафа и — классика! — с чердака, дверь на который Эбель позже заколотила гвоздями. От голосов призраков она медленно сходила с ума каждую ночь, звала на помощь маму, но та запиралась в своей комнате и читала молитвы, а наутро приносила дочери стакан святой воды.

Обычно мамы перед школой желают детям хорошего дня, веселья, сдачи теста. Но не Шейла.

— Никому не говори о том, что с тобой происходит! — вот что слышала Эбель от нее, каждый раз выходя из дома. — Ты обычный ребенок. Обычный... Просто любишь фантазировать.

Эбель и правда любила. И со временем даже поверила в то, что призраки — ее выдумки. Но голоса не утихали, лишь год за годом становились все громче.

И в конце концов из тьмы вышли монстры. Мертвые люди. Изуродованные трупы. Гниющие, разлагающиеся и смердящие.

Они жили в ее комнате. Прятались под кроватью, ждали ночи. Стоило луне появиться, как они вылезали из укрытия и, садясь к Эбель на кровать, пристально смотрели на нее, пока она цепенела от страха. Они трогали ее холодными руками, пачкали кровью, вытекающей из их ран, и, склоняясь над ней, молили о помощи. Они царапали ее, душили, злились и кричали, а с первыми лучами солнца испарялись, но возвращались обратно каждую ночь.

Эбель понадобилось несколько лет, чтобы привыкнуть к призракам. Понять, чего они хотят и зачем приходят именно к ней.

Все они хотели мести.

— Она — *что?* — раздался звонкий голос где-то совсем рядом. — Поднялась из могилы?

Заскрипел пол, ударились о засов дверь.

Холодный ветер сменился еле уловимым теплом покрывала: кто-то укутал спрятанную в пальто Эбель. Приторный запах корицы вытеснил вонь мокрой кладбищенской земли из ее легких.

— Тише! — второй женский голос был поприятнее.

— Мисс Вуд, вы предлагаете мне спать в одной комнате с трупом? — Эбель никогда бы не поверила, что можно кричать шепотом, но говорившая с легкостью доказывала это.

— Как видишь, она все еще живая.

Эбель попыталась открыть глаза, но свет от лампы ослепил ее. Боль, словно мячик пинг-понга, забилась о стенки черепа.

— Это твоя новая соседка, Соль. Покажи ей завтра академию и отведи на склад за уставной одеждой.

— Но, мисс Вуд!

— Она одна из нас. Она скура. Мы не бросаем исключительных, а помогаем им.

Почему... Почему вся боль проходила, стоило женщине заговорить, и возвращалась опять, как только она замолкала? Кто она такая?

— Завтра не ходи на занятия. Покажешь Эбель собор, а потом зайдете обе ко мне. — Застучали каблуки по скрипучему полу, скрипнула, отворившись, дверь. — И никому не говорите, что еще ночью девушка была мертва.

Как знакомо. Будто Эбель и не покидала свой дом. Даже тут, в неизвестном месте, ей закрывают рот. Даже тут у нее появился секрет, который явно успеет испортить ей жизнь.

— Доброй ночи, Соль. — Мисс Вуд покинула комнату, а вместе с ней пропала и целебная аура.

— Доброй, — недовольно протянула неизвестная Соль и, видимо, вернулась к себе на скрипучую кровать, приглушив свет в комнате.

Эбель тяжело вздохнула: она пыталась бороться с тошнотой, которая вернулась сразу после ухода мисс Вуд. Еще бы несколько минут послушать ее, и наверняка Эбель оправится полностью. Хорошо хоть, головная боль поутихла.

Эбель попыталась сесть, и Соль заметила это.

— Ты жива там?

Эбель задумалась и, не сумев подобрать слово длиннее трех букв, ответила коротко:

— Ага.

— Воды?

— Ага.

Она наконец-то осмотрелась. Кладбище сменилось маленькой комнатой, в которой царил бардак. Желтый свет от ночника падал на стену, очерчивая края ажурного патефона, который мог бы понравиться бабушке-барахольщице. В полумраке Эбель разглядела напротив себя кровать, устланную кучей разноцветных одеял, gobелен со звездами на стене и пол, на котором лежал старенький пушистый ковер. Каменные стены комнаты украшали картинки и плакаты с кадрами из популярных фильмов, и даже облупившаяся краска в углах смотрелась тут гармонично. Под единственным окном, обрамленным шторами цвета пасмурного неба, стоял столик,

а на нем — граммофон с пластинками и свеча, источающая до жути сладкий аромат тыквенного пирога.

Эбель улыбнулась, увидев винил с Билли Айлиш, и посмотрела на владелицу комнаты: Соль как раз принесла ей побитый глиняный стакан с водой. И Эбель замерла, уставившись в черные глаза соседки.

Черт! Почему она оказалась такой красивой? Слушая ее недовольный голос, Эбель была уверена, что увидит брюзгу, причитающую о правилах. Но перед ней стояла девушка, чьим вторым именем было слово «милашка». «Корейский айдол», — подумала Эбель, принимая стакан у нее из рук.

— Слушай, — заговорила Соль, — честно, я не в восторге от нашего соседства, но, раз уж у нас нет выбора, давай вместе создадим тут уют и комфорт.

— Ага... — Эбель бездумно сделала глоток воды.

Она совсем не слушала Соль: все так же бесцеремонно рассматривала идеальную кожу, длинные черnofиолетовые волосы и милую, хоть и натянутую, улыбку.

Соль заметила взгляд Эбель и смутилась.

— Ты, наверное, жешь как напугана?

— Я, кхм-кхм... — Эбель откашлялась и наконец выдала: — Я ничего не понимаю. Где я?

— А! Ой! Точно, ты же была мер... Ты же *новенькая!* — нарочито исправилась соседка. — Я Чи Соль. Ты находишься в Академии Скура где-то в окрестностях города Санди. Мы в заброшенном соборе, это наше убежище. Тут живут и учатся исключительные... Я все расскажу завтра. Сейчас тебе надо поспать.

— Да я вроде выпалась в гробу, — пошутила Эбель, подавив очередной зевок.

Соль закатила глаза и, заправив за ухо фиолетовую прядь, вернулась на свою кровать.

— Тогда, может, расскажешь, как так вышло?

Эбель задумчиво склонила голову и покрутила в руках стакан.

— Понятия не имею, — созналась она.

— То есть ты просто проснулась в гробу? — Соль подтянула к подбородку колени и подмяла под себя одеяло. — Это же как в фильме «Погребенный заживо»!

— Если бы Райан Рейнольдс проснулся голым, а у меня была бы зажигалка, да.

Эбель сделала поток теплой воды и перевела взгляд на стеклянные кристаллы, свисающие с гардины. Те мерцали, словно искорки, и покачивались от небольшого сквозняка, что тянулся из-под деревянной рамы.

— Кто вообще хоронит людей голыми? Что за сраный фетишист? — фыркнула Соль.

По спине Эбель пробежали мурашки. Тело накрыла жаркая волна стыда. А ведь и правда... Разве людей хоронят голыми? Что с ней делали? И кто?

— А от чего ты умерла? — поинтересовалась Соль без стеснения. — Собственной смертью? Или тебя убили?

— Не знаю.

От этого стало еще страшнее.

В голове было пусто. Словно кто-то стер Эбель память, вытащил флешку, почистил жесткий диск. Она не помнила не только последние часы, но и дни своей жизни. Только... Только лицо мамы, которая безумно улыбалась, прощаясь с дочерью.

— А! Я поняла! — вдруг вскрикнула Соль. — Твоя способность — бессмертие? Ты, типа, как Нейтан Янг из «Отбросов»? Круто! — Она восхищенно задергала ногами и показалась Эбель еще милее, чем прежде.

— Неа. Я, скорее, Клаус Харгривз из «Академии Амбрелла». — Эбель отставила стакан на тумбу рядом с кроватью и положила голову на твердую подушку.

— По времени скачешь?

— Об этом я расскажу тебе как-нибудь потом, — ответила она.

— Как хочешь. Ладно, лучше остановиться, — голос Соль прозвучал обиженно. — Я оставлю свет? А то вся эта история... Ну... сама понимаешь.

— Тоже хотела тебя об этом попросить, — облегченно выдохнула Эбель. — Со светом будет спокойнее.

Не хватало еще, чтобы из темных углов комнаты вылезли монстры, которые наверняка увязались за ней. Одного из них она уже успела увидеть перед тем, как отключилась на руках зрителя. Кто знает, насколько настойчивыми могут быть призраки с кладбища, где хоронят исключительных. Может, их не пугают другие люди или священность этого заброшенного храма. Впрочем, Эбель надеялась, что хотя бы тошнотворно-сладкий аромат свечи у кровати Соль на время отпугнет их. Ну, это хоть не запах ладана — и на том спасибо.

— Спокойной ночи, Эбель...

— Барнс. — Эбель считала намек в долгой паузе. — И можно просто Бель.

— Эбель Барнс, которая почти как Клаус Харгривз побывала в аду и вернулась обратно. — Соль зевнула. — Потом расскажи, как там. Все скуры рано или поздно окажутся в полыхающей огнем бездне. Надо хоть знать, в каком котле я буду вариться. Надеюсь, там найдутся бомбочки для ванн, ну, или резиновые уточки.

Соль повернулась на другой бок и уснула, свернувшись калачиком.

В комнате было прохладно. Начало осени в этом году выдалось на удивление не только пасмурным, но и морозным. Неожиданно ледяной ветер будто торопил зиму.

Неудивительно, что в старое деревянное окно комнаты дул сквозняк.

Эбель хотела уснуть как можно скорее, но мысли вихрем кружили в голове. Порождали страх. Возвращали в опутывающую темноту гроба из орешника. Эбель вспомнила собственный истощный крик, который никто не слышал. В горле сразу запершило, ссадины на кулаках зазудели. Содранная кожа на костяшках и впившиеся занозы будто дразнили Эбель за беспомощность. Будто специально возвращали туда, под толщу земли, где каждый вздох мог стать последним.

Стоило представить себя в этом холодном гробу вновь, как Эбель дернулась, — кровать скрипнула, на секунду разбудив Соль. Стоило вспомнить удушающую темноту, как в легких перестало хватать воздуха. Стоило оказаться в давящей тишине, как в ушах зазвенело. Тело бросило в жар, будто Эбель вернулась в ад. Будто сам дьявол пришел за ней. Наверное, так и пахнет смерть? Кардамоном, тыквой и корицей? Да черт бы побрал эту свечу! Она... она отвлекает...

Эбель резко расслабилась. Она и подумать не могла, что ее тело может быть таким тяжелым, грузным, окаменевшим. Словно мраморная статуя, все эти минуты она лежала неподвижно, боясь вздохнуть. Что это было? Паника? Но Эбель отучила себя бояться. Она умело надевала маску, за которой скрывала свой страх. Она врала людям в лицо, как врала сегодня Соль. Нет, она не в порядке. Нет, она не хочет оставаться в этой проклятой академии. Нет, ей не место среди скур. Ей не нужно это сраное убежище. Ей не нужно напоминать, что она была мертва.

— Мертва... — трясущимися губами прошептала Эбель. — Я была закопана заживо. Я не помню, как

оказалась в гробу. Почему... — Ком в горле становился все кислее и, обжигая, не давал говорить. — Почему я вижу тебя? — прозвучал вопрос в пустоту.

Будто кто-то слушал Эбель и мог ответить.

— Что ты сделала со мной, Шейла?

Но мамы в комнате не было. Зато ее жуткая улыбка на уставшем осунувшемся лице четкой картинкой опечаталась в памяти.

— Ты... что-то гово... рила, Эбель? — сквозь сон пробубнила Соль, но в ответ получила лишь молчание. Хотя наверняка уснула еще раньше, чем успела закончить фразу.

Эбель еще долго пыталась успокоиться и унять дрожь в теле. Только уснуть ей удалось лишь под утро, когда первые лучи солнца успокаивающе погладили ее по щеке и согрели ледяные руки. Тогда твердая подушка стала самой мягкой на свете, а тонкое покрывало — теплым пуховым одеялом.

Но сон был недолгим. Топот ног за дверью и мелодичное мычание Соль не могли не разбудить Эбель.

— Черт, ты все-таки проснулась, — огорченно сказала соседка. — В смысле, я думала, ты будешь спать до обеда.

Соль заплетала себе косички, в которые втыкала металлические колечки с побрякушками.

— Я бы хотела, но... — Эбель обвела комнату взглядом.

Новый день, новая маска. Сегодня она постарается быть дружелюбной и тихой девчонкой, которая выскользнет в удобный момент за дверь этой академии, вернется домой и узнает причину своей смерти.

— Прости, я привыкла быть одна. — На лице Соль не было ни капли раскаяния.

Закончив прическу, она надела на шею несколько чокеров и цепочек и покрутилась перед зеркалом. На худых ногах в лиловых колготках и вязаных гетрах красовалась узорчатая юбка-шорты. На плечах висела толстовка с фиолетовой нашивкой, а грудь прикрывал белый топик. Все это сочетание выглядело, мягко говоря, чудно. Вчерашняя милашка превратилась в тетку-барахольщицу.

— Я дам тебе свою одежду, — сказала Соль, — но, как выдадут форму, постирай все и верни.

Эбель натянула на себя покрывало, пытаюсь скрыть не только наготу, но и нежелание надевать вещи, которые Соль явно купила в секонд-хенде. Идея обернуться в простыню, словно Афродита, ей нравилась больше, чем расхаживать весь день в одежде, которую Соль доставала из шкафа.

— Я смотрю, ты любишь одеваться... экстраординарно, — скривилась Эбель, когда Соль кинула на кровать клетчатый сарафан и коричневую блузку в стиле бохо.

— Главное, что мне в этом комфортно, а что подумают другие — плевать. Я не виновата в том, что у них нет вкуса. Если они считают себя серой массой, то могу им только посочувствовать.

Соль вернулась к зеркалу и подвела глаза яркой розовой подводкой.

— Что смотришь? — кивнула она Эбель в отражении. — И косметику тебе дать?

— Да не...

— Ладно. Я сама тебя накрашу, — Соль нетерпеливо перебила Эбель и повернулась к ней, ударив косичкой по зеркалу. — Коричневая тушь и желтые стрелки, а губы... Губы бордовые! Они у тебя пухлые, и с такой помадой ты будешь выглядеть суперсекси.

— Я могу обойтись без косметики.

Эбель не соврала. Она и правда редко красилась. Отчасти — потому что однажды один из призраков спрятал ее косметичку. Мертвый старик твердил о натуральной красоте и причитал о вреде косметики не только для здоровья человека, но еще и для мировой экологии. Похоже, при жизни он был активистом из зеленых.

— Ну уж нет, — возразила Соль. — Мы теперь банда. Понимаешь? Мы из одной комнаты, новоиспеченные подружки, соседки по парте и все такое. Мы должны подходить друг другу и выглядеть так, чтобы все парни академии на нас оглядывались.

Соль развернулась к зеркалу, чтобы закончить макияж.

— Разве скуры кого-то интересуют? Позорно влюбляться в исключительных, даже если ты сам исключительный.

Эбель, переборов стеснение, скинула с себя одеяло и встала с кровати. Пальто Бенни, которое ей одолжил смотритель, куда-то делось, и, пожившись от холода, Эбель натянула сарафан Соль. А надевая носки, сбילה с тумбочки непонятно откуда взявшуюся шкатулку с украшениями.

Соль шума будто и не заметила.

— Любви достоин каждый, а такие как мы, — она обвела стены, а то и всю академию, руками, — достойны ее вдвойне. Наша жизнь потенциально короче, чем у обычных людей. Никогда не знаешь, когда наступит твой последний день. Может, тебя застрелят на кассе в «Волмарте», пока ты будешь покупать себе сельдерей с лимоном. А может, убьют на крыльце родного дома. — Соль пожала плечами. — И перед этим хочется испытать то самое окрыляющее чувство.

Эбель подняла шкатулку и посмотрела на Соль, которая теперь примеряла к одежде зеленый галстук.

— И кстати, в академии ты всегда найдешь того, кто с радостью тебя развеселит. Если ты понимаешь, о чем я.

— Я думала, в академиях люди учатся, а не...

— Занимаются сексом?

Эбель начало раздражать то, что Соль вечно ее перебивает.

— Одно другому не мешает. Стимулируй себе не только мозг, но и...

— Ты, кажется, хотела меня накрасить? — Эбель решила отплатить Соль ее же монетой. Неуважением.

— На тебя так влияют стены старого собора? Святая аура? — Соль беззаботно махнула рукой, но поняла, что лучше остановиться. — Ладно, я тебя накрашу.

Эбель села на кровать, подставляя лицо Соль, и напряженно выдохнула, понадеявшись, что хоть сегодня станет похожа на человека.

Дверь из комнаты вела в длинный коридор. Вдоль его стен тянулась вереница других дверей — видимо, в комнаты студентов.

— Это наш спальный корпус. Спальное крыло. Хостел. Называй как хочешь. Все комнаты разные. Где-то живет по два человека, где-то по шесть. Мальчики не мешаются с девочками, но за этим никто не следит. — Соль усмехнулась.

Ступая по скрипучему полу, они двинулись вдоль пустого коридора. Стены уходили высоко к потолку арочными сводами, туда, куда почти не попадал солнечный свет.

Закинув голову, Эбель прикинула высоту до потолка. *Двенадцать футов*. Необычайно высоко для такой

старой постройки. Странно, что древняя кладка до сих пор не обвалилась на головы студентов. Казалось, сводчатые арки держала старая пыльная паутина. Как дешевые декорации на Хеллоуин, она свисала с каждого угла. Эбель поежилась, представив, сколько пауков обитает в спальном крыле, и, стряхнув с плеч воображаемых членистоногих, отошла от стен подальше.

Она окинула взглядом стройный ряд одинаковых, выцветших на солнце деревянных дверей и остановилась у одной из них. Старая, с заржавевшим замком, дверь привлекла внимание Эбель не из-за вырезанного на ней узора. А из-за следа, который навечно оставило на ее поверхности время.

— Тут раньше жили священники, — подметила Соль.

На двери виднелось выцветшее очертание креста. Несомненно, он десятилетиями висел на гвозде в самом центре. Раньше символ возрождения охранял местных священников, оберегал от дьявола, защищал от исключительных. Но сейчас собор заполонили скуры, а дьявол, вечно сопровождающий их, навел тут свои порядки.

— Ты привыкнешь, не переживай.

Эбель и не переживала. Она знала, что сегодня вечером ее тут уже не будет. Она вернется домой к матери и найдет убийцу. А позже будет жить обычную жизнь и дальше скрывать ото всех свой дар, прячась за справкой о шизофрении от любого полицейского, которому она покажется подозрительной.

— Сейчас я покажу тебе обеденный зал, главный зал, несколько классов и задний двор, — говорила Соль. — А потом отведу к Деборе Вуд. Она распределит тебя на факультет.

— Как в лучших сериалах про детей со сверхспособностями, — улыбнулась Эбель. — Экскурсия по готическому

тайному собору на отшибе города. И факультеты... Надеюсь, я попаду в Гриффиндор.

— Зря ты смеешься.

Соль вывела ее на винтовую лестницу, ведущую вниз.

— Единственное место, в котором мы в безопасности, — это наша академия. Мисс Вуд и другие преподаватели заботятся о нас. Кому-то они заменили родителей. Кому-то подарили путевку в лучшую жизнь.

— Странно, что люди до сих пор не нашли это место и не сожгли к чертям собачьим.

— Все благодаря мэру Санди. Он хороший человек, и это место под его защитой. Он позволяет нам обучаться профессиям и устраивает на работу. Вот для чего нужны факультеты. И правила, которые нельзя нарушать. Это место охраняют специальные люди, а журналисты молчат, боясь разозлить того, кто за секунду закроет их бульварную газетенку. Только благодаря мэру о нашем «аде» никто не знает.

— Хорошие люди не сидят на двух стульях, Соль. И не скрывают что-то в угоду другим.

Соль споткнулась и чуть не полетела вниз лицом, но Эбель успела схватить ее за ворот пиджака. В ответ Соль лишь кинула на нее неожиданно злобный взгляд.

— Дыши, Соль, — проговорила она, громко вдыхая и выдыхая. — Она не виновата в своем незнании. Она поймет все позже. Все мы разные. Прими и ее точку зрения.

— Я вообще-то тут и все слышу.

— И это хорошо. Видишь, я пытаюсь вести себя с тобой снисходительно?

Этажом ниже эхом раздались смешки, болтовня торпящихся куда-то студентов и топот каблуков. Оттуда же донесся аромат цветочных духов, смешавшийся с запахом жареной яичницы.

Соль одернула пиджак и выпрямилась.

— Это место очень важно для меня, Бель. Как и люди, которые меня однажды спасли. Надеюсь, они спасут и тебя.

И, махнув длинными косичками, она зашагала вниз.

Большой зал не просто так назывался большим. Арочные своды стремились к потолку, рассмотреть который у Эбель получилось с большим трудом. Он был так высоко, что, задирая голову, она чуть не свернула себе шею и, в конце концов потеряв равновесие, упала на деревянную лакированную скамейку. Убранство зала на первый взгляд казалось аскетичным, но простота интерьера терялась за разноцветными бликами от витражей. Только они не напоминали огни городского цирка, парк аттракционов или вечеринку с диско-шаром. Они не дарили веселье и не разряжали атмосферу. Наоборот. Глядя на лики людей, изображенных на витражах, Эбель чувствовала страх. Тревога волной проходила по ее телу и, сжимая, заставляла сутулиться. Эбель хотелось спрятаться или испариться вовсе.

— Как их много... — протянула она, обняв себя руками.

Соль заметила взгляд Эбель и кивнула.

— Вроде сорок восемь. Я пересчитываю их каждый вечер, но, кажется, это место пропитано волшебством и святоши на витражах играют с нами в игру. То уходят, то приходят. Их может быть и тридцать, а может и шестьдесят. Говорят, они следят за нами и путешествуют по витражам всего собора.

— Или ты просто не умеешь считать, — раздался мужской голос за спиной Эбель. — На парах по математике ты всегда в тройке отстающих.

Эбель обернулась и увидела кудрявого худощавого парня в смешной рубашке с разноцветными рукавами. Из формы на нем были лишь широкие темно-синие штаны, спадающие на красные конверсы, и жилетка, кажется, самого большого размера из всех возможных.

Соль скривилась:

— Закрой рот, Ноа, и иди, куда шел.

— А где же поклон? Где уважение к старшим? Где мое любимое «оппа»*?

— Оппа... — надув губы, мило протянула Соль, — закрой свой рот. — Ее лицо вновь стало серьезным.

— Милашка.

Ноа улыбнулся и щелкнул Соль по носу. Он двигался плавно, почти бесшумно. Его выдавал лишь брелок, бьющийся о металлический замок на сумке, перекинутой через плечо.

— Проводишь экскурсию новенькой? Как ее зовут? — спросил он, заискивающе вглядываясь в лицо Соль.

Соль оттолкнула его плечом.

— У Эбель бы и спросил.

Ноа широко, довольно улыбнулся.

— Эбель, значит? Приятно познакомиться. — Он подошел к ней и, взяв за руку, оставил на коже нежный поцелуй. — Я Ноа Эдвин. Факультет помощников первых лиц. — Он ткнул в желтую нашивку на своей жилетке.

— Пары уже начались, Ноа. — Соль перехватила руку Эбель. — Мистер Льюис опять оставит тебя после занятий, если ты не поторопишься.

* Оппа — уважительное обращение к старшим мужчинам в Корее. Но Соль не в Корее, а в Америке. В штате Орегон, черт знает где. Оппа сюда не доехал, так же как и уважительное отношение Соль к Ноа. *Здесь и далее примечания автора.*

— В прошлый раз мне это было на руку. Не ты ли тогда лежала голой на одной из парт?

Эбель не сдержала смешок, не заметив, как покраснели от смущения ее щеки. От Ноа пахло не только сладкой газировкой и лаймом, но и уверенностью. Приятный аромат располагал к себе, и Эбель прониклась к парню невольной симпатией.

— Не переживай, зануда, — добавил Ноа. — Я сегодня тоже вожусь с новеньким. Вуд вчера вечером подселила ко мне какого-то мрачного парня.

— Еще один? Тоже с клад... — Эбель дернула Соль за руку, и та вовремя остановилась. — Склад. Нам тоже надо на склад за новой формой.

— Ты на каком факультете, вишенка?

Ноа смотрел на бордовые губы Эбель и улыбался, будто Чеширский Кот.

— Мисс Вуд еще не распределила ее, — ответила за нее Соль.

— Оу... — Ноа наклонил голову и, скользнув взглядом вниз по шее Эбель, прямо к декольте, медленно подался вперед. — Досадно. Надеюсь, попадешь на мой. Хоть ты и не в моем вкусе, да и одежда на тебе такая... такая же стремная, как на Соль.

— Ну ты и мудака, Ноа, — беззлобно прыснула Соль.

Тот лишь лукаво улыбнулся:

— Ладно, я шучу. Меня не волнует ваша одежда. Особенно если в конце концов она оказывается на полу. Мне вот Соль больше нравится без одежды. Может, вы мне обе покажете, что скрывается под этими бабкиными тряпками? Сегодня вечером, например?

Эбель не заметила, как мягкие, почти что бархатные пальцы Ноа коснулись ее скул, а их одинаково голубые глаза замерли в паре сантиметров друг от друга.

— Мудацкий муadak. — Соль схватила Эбель за локоть и потянула на себя.

Ноа неохотно отступил.

— Ладно, я пойду на урок. А то мистер Льюис будет злиться. — Он развернулся на пятках и, зайдя за широкую каменную колонну, направился к выходу.

— А что там с новеньким? — спохватилась Соль. — Какой факультет? Как зовут?

— Реджис, — голос Ноа вдруг стал грубее. Ниже. Серьезнее. — Хороший парень. Молчаливый пока, но я быстро его разговорю. Он какой-то особенный. Мисс Вуд была взволнована после встречи с ним.

— Чего в нем особенного? — не унималась Соль. — Нас всех тоже обычными не назовешь.

— Что-то в нем есть, детка. Что-то в нем есть.

Эбель сделала шаг за колонну, чтобы посмотреть, куда идет Ноа, но вместо него увидела высокого широкоплечего brunета. Он — в красных конверсах и разноцветной рубашке — удалялся от них.

— Ноа? — удивившись, спросила Эбель.

Заинтересованная Соль выглянула в пролет между арками вслед за Эбель. Громко цокнула и закатила глаза.

— Сейчас я Реджис, вишенка! — отозвался неизвестный Эбель парень. — Профессор будет снисходительнее к опозданию новичка. Я все утро возился с ним. Пусть и он мне принесет хоть какую-то пользу.

— Черт тебя дерит, Ноа, — выругалась Соль. — Ты знаешь, что нам нельзя пользоваться способностями без разрешения.

— Когда я был в облике твоего любимого корейского айдола, с которого ты жадно срывала одежду в кабинете математики, правила заботили тебе меньше всего.

Эбель повернулась к Соль, а та замахала руками, будто отнекивалась от проведенной с Ноа ночи, и, покраснев, опустила взгляд.

— Мое предложение в силе, крошки, — добавил Ноа уже перед поворотом в конце коридора. — Если захотите скинуть с себя безвкусовые тряпки, то вы знаете, где меня искать!

И он наконец покинул большой зал, оставив после себя эхо чужого низкого голоса.

— Он принимает облик других людей? — спросила ошарашенная Эбель.

— Ага, — ответила Соль со скукой в голосе и, взяв со скамейки сумку, направилась в противоположную от Ноа сторону.

— Стой! погоди! — Эбель догнала ее. — Он типа... может и Бараком Обамой стать? и женщиной? и собакой? вообще кем угодно?

— И Хенджином из Stray Kids*, да.

— Вау!

Соль остановилась между столами и резко выдохнула.

— В академии нельзя пользоваться исключительностью, — пояснила она. — Поэтому молчи о том, что видела. Меня хоть Ноа и бесит, но мы тут «один за всех и все за одного». Не подставляем и не подставляем других.

— Я успела заметить, как вы близки.

* Stray Kids — корейский музыкальный бойз-банд из восьми участников. Любимая группа Соль, с которой, благодаря способностям Ноа, она может встретиться, находясь в городе Санди. С любым из ее участников... В частности, с Хенджином — биасом Соль. Вам надо рассказывать, кто такие биасы? Нет? Ну и славно.

Кажется, все это время лики святых с витражей осуждающе смотрели на студенток академии и, проводив их в трапезную, облегченно выдохнули, громко закрыв сквозняком деревянную дверь.

Наконец тревога покинула Эбель, а запах сырости и плесени, витающий в главном зале, сменился ароматом яичницы и кофе.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

